

Человек

K1259891

Виктор Барakov
"ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ - ОДНО..."

Министерство образования России

Московский педагогический государственный университет
имени В. И. Ленина

Виктор Бараков

«ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ - ОДНО...»

Статьи

Москва - 1996

ББК
83.3 (2РОС-РУС)6
Б24

Бараков Виктор. «Жизнь и поэзия - одно...»
Статьи. - Москва - 1996.- 60 с.

В оформлении издания использованы рисунки и гравюры Э.Фролова, Н.Калиты, В.Потапова, А.Рюмина, Т.Тайгановой, Н.Черкасовой, Г.Метченко, Л.Старикова младшего, на обложке фото В.Мителькова.

Рецензент - доктор филологических наук,
профессор В.А. Лазарев

Издательство «Свеча», Вологда 1996 г.

ОТ АВТОРА

Эта книга посвящена вологодской поэзии, но в подзаголовке не конкретизировано ее содержание: поэзия Вологодчины давно уже близка сердцу каждого русского человека. Творчество К. Батюшкова, И. Северянина, Н. Клюева, В. Шаламова, А. Яшина, С. Орлова, Н. Рубцова, О. Фокиной, А. Романова и других «вологодских» по происхождению авторов вошло в золотой фонд национальной литературы.

Сейчас в русской поэзии (и не только в поэзии!) происходит болезненная и трагическая смена поколений. Увидеть наиболее важные приметы этих перемен, проследить повороты в их судьбе, предугадать дальнейший путь - вот главная задача, которая была поставлена в начале работы над книгой. Поэтому большинство статей в ней имеют не литературоведческий, а критический и даже публицистический характер. Надеюсь, что это издание поможет прежде всего молодым читателям и тем, кто только начинает поиски своей дороги в поэзии. Эта дорога необычайно трудна, но в ней заключен глубочайший смысл, ведь «Жизнь и поэзия - одно...»

ПОСЛЕДНЯЯ РУСЬ

(Поэма Н.Клюева «Песнь о Великой Матери»)

Давно уже стихли голоса критиков, обвинявших Н.Клюева в реакционности, «патриархальности» и вроде бы намертво приклеивших ярлык «кулацкий» и ему, и другим русским поэтам-мученикам. Но до сих пор Клюев виноват - в том, что труден для восприятия, «сложен», в том, что «не понял своего времени», и вообще, - к чему нам теперь «клюевские иллюзии, его поэтический идеализм»?

И вот перед нами огромное (4 тысячи строк) оригинальное произведение, пролежавшее на Лубянке 57 лет, навсегда, как казалось Клюеву, потеряное и неожиданно воскресшее.

В нем Клюев выразил собственное, имеющее глубокие национальные корни понимание русской и мировой истории.

«Песнь...» - вершина клюевского творчества, лиро-эпическая поэма, стоящая в русской литературе особняком. Во вступлении Клюев сразу определяет темы своей «Песни...», перечисляя их рефреном в первых четырех строфах: гусли (мелодия природы), притчи (православная София-мудрость), тайны (молитвы перед образом пречистым) и вести (также от природы). Таким образом, здесь названы две неразрывные части русского религиозного сознания и одновременно два источника клюевского вдохновения: языческое поклонение природе и христианство. Поэт не случайно расположил строфы в крестообразной смысловой связи (первая - с четвертой, вторая - с третьей) - он просто перекрестился перед дальней дорогой, перед тем, как начать сказание - естественный для верующего человека жест. Нам же приходится согласиться с завершающими строками его «словесного креста»: «Но испить до дна не всякий Может глыбкую страницу.» Это сможет сделать лишь тот,

*Кто пречист и слухом золот,
Злым безверьем не расколот,
Как береза острым клином,
И кто жребием единым
Связан с родинной-вдовицей,
Тот слезами на странице
Выжжет крест неопалимый...*

Итак, в начале поэмы поставлена одна из самых важных проблем духовной жизни России трех последних веков: проблема веры. В трагическое время берется за ее художественное решение Клюев: «Родина-вдовица», Россия - оставлена Богом... В день отречения царя произошло явление иконы Божией Матери, и голос с небес подтвердил, что отныне только она берет Русь под свое покровительство и защиту (Великая Мать у Клюева - не только Россия, но и Богородица). Поэт предлагает читателю путешествие «по тропинкам междустрочий», где кроются зашифрованные в тексте тайны. Сумеют ли наши современники «испытать их до дна»? Тут нужна особая чуткость к красоте, приметы которой поэт передает в последней, «цветовой» строфе вступления, где стих «разузoren» сурьмой, команикой и малиной, где сверкают голубые очи и бродят голубые лоси в зеленом кедровом бору. Все это - лик русского народа, лик «исконный», по словам Клюева, который, увы, обожжен «гарью адских перепутий». Концовка вступления - одновременно и начало трагической темы Апокалипсиса:

*Ах, заколот вещей лебедь
На обед вороньей стае,
И хвостом ослиным в небе
Дьявол звезды выметает!*

И современные смысловые и древние символические контрасты этих четырех строк подтверждают вышесказанное.

Первая часть «Песни...» насколько автобиографична, настолько и фантастична. В ней воедино сплетены и реальные бытовые подробности жизни семьи Клюевых у Белого моря, и сказочные картины, и удивительные вещие сны. Так, ее начало - «бревенчатый» сон-воспоминание о потерянном в архангельских делях раскольничьем ските, где мастером Акимом Зяблецовым «с товарищи» строится деревянный храм. Птица Сириин осеняет его своим крылом, благословляя людей на добрые дела: «И многие годы на страх сатане Вы будете плакать и петь в тишине!» Воспоминания о детстве у Клюева, действительно, похожи на сладкие сны, которые часто жестоко обрываются, - поэт, очнувшись, в сердцах восклицает: «И детство-зайчонок слепой Заклевано галок гурьбой!» Эти тяжелые пробуждения своими

толчками снова и снова напоминают о действительности. Единственное, что не покидает его - любовь к маме, сердце поэта постоянно воскрешает в памяти материнский лик. Прасковья Дмитриевна была не только великолепной сказительницей и плакальщицей, но и убежденной староверкой, хранительницей древних мудрых книг, широко образованной женщиной, знавшей греческий, латинский, арабский языки и, разумеется, старославянский. «Тысячи стихов, моих ли или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят одного распевца моей светлой матери», - писал Клюев.

Первая глава поэмы - прежде всего рассказ о ее юности («ей было восемнадцать весен...»). Лучшие интимно-лирические страницы «Песни...» (авторские отступления, колыбельные песенки) посвящены матери, да и само название поэмы включает в себя триединый облик Руси, Богородицы и Матери человеческой.

Девушка Прасковья - красавица и умница, чистая, богобоязненная душа, но и не без милого наивного кокетства:

*Она шептала: «Боже, Боже!
Зачем родилась я такой, -
С червонной, блескою косою,
С глазами речки голубее?!...»*

Событийная часть поэмы начинается с того момента, когда Паша собирается и едет в гости к своей подружке Арине.

Бытовые подробности здесь замечательны. Так, Прасковья поехала налегке и взяла с собой ...шесть сарафанов, огромный платок, шубу, целый пласт сорочек и стопку полотенец: «Чтоб не утерлася в чужой, не перешла б краса к дурнушке». Ждет ее дорога - не много ни мало - длиною в 90 верст, от Соловецкого погоста до Лебединого скита. Параша без особого страха совершает это путешествие, и вот она уже в гостях, уснула в обнимку с душенькой Аришей. Поэт любовно рисует милую его сердцу идиллическую картину, но ему не изменяет чувство внутреннего такта, характерное для русской традиционной культуры:

*Мне скажут - дальше опиши
Красу двух елочек полесных!
Побольше было в них души,*

Чем обольщенный всем известных...

Утром в избе у подружки праздник. Накрыт богатый стол. Вечером - посиделки. Параша поет на них песню о девице-утушке и молодце-селезне приглянувшемуся ей Федору, сыну Каллистрата. Но тучи сгущаются над ее головой... Недалеко от избы, в срубе, живет беглец из Соловков, отец Нафанаил. Паша идет к нему. Нафанаил «в дерюжной мантии» поразил ее возгласом: «Встречаю новобрачную!» - и указал на хозяина-«моржа», старого китобойца, отца Ариши. Прасковья падает в обморок и на руках у влюбленного в нее стареющего вдовца видит сон о «рубине востока» - русском престоле, к которому тянется чья-то жадная черная рука...

Параша не по своей воле принимает решение выйти замуж за пожилого поморца:

*Прости, Владычица, рабу!
Святой Феодор Стратилат,
Ты мой жених и сладкий брат!
Тебе вручается душа.
А плоть, как стены шалаша,
Я китобойцу отдаю!..*

Из автобиографии Ключева мы знаем, что его отец взял девушку «за красоту» в то время, когда ему было 50 лет.

На этом действие первой части не заканчивается; Прасковья Дмитриевна снова дома, в окружении многочисленных святых, но тайком, ночью она покидает родную избу и отправляется одна через непроходимую тайгу «в Царьград». Там, в глухой тайге, и происходит ее чудесная, озарившая новым светом всю ее жизнь, встреча с Матерью Божией Марией. Богородица предсказывает ее жизненное предназначение:

*Как я, вдовцом укрыта,
Ты росною ракетой
Под платом отцветешь
И сына сладкопегца
Повыпустишь из сердца,
Как жаворонка в рожь!*

*Он будет нищ и светел -
Во мраке вещей петел -
Трубить в дозорный рог,
Но бесы гнусной грудой
Славянской песни чудо
Повергнут у дорог.*

Последние слова Богоматери, которые слышит Прасковья - ясное предупреждение: «Запомни, Параскева - Близка година гнева, В гробу Святая Русь!»

Параша идет дальше, но «страшат беглянку дебри», она пытается укрыться и принимает за сруб берлогу. Услышав ее крик, Федор, Каллистратов сын, вырывает ее из медвежьих когтей, но, смертельно раненный, погибает. «Судьба в колотушку стучит», - такими словами заканчивает Клюев повествование в первой части поэмы.

Прасковья в точности выполнила и свой материнский долг, и наказ Святой Марии. Она выучила Николеньку той грамоте жизни, которую не познать из обычных учебников:

*Двенадцать снов царя Мамера
И Соломонова пещера,
Аврора, книга Маргарит,
Златая Чель и Веры Щит,
Четвертый список белозерский,
Иосиф Флавий - муж еврейский,
Зерцало, Русский виноград -
Сиречь Прохладный вертоград,
С Воронограем Список Вед,
Из Лхасы Шолковую книгу,
И Гороскоп - Будды веригу
Я прочитал в пятнадцать лет -
Скитов и келий самоцвет.*

Уже тогда он читал «эпистолию» - послание о том, «чем кончится Россия».

Еще дед Клюева по матери принадлежал к расколу, к секте самосожженцев. Н.Клюев 2 года был «царем Давидом», т.е. занимал в сектантской общине должность слагателя религиозных,

«радетельных» песен-псалмом по примеру автора Псалтири (одной из книг Библии) - царя Давида. «Я - сын двоперстья», - говорил поэт о себе. Песни его со временем превратились в старообрядческий фольклор (в брежневские времена сектанты Кубани пели свои песни на стихи Клюева и Есенина).

В огромных пространствах России плыли многочисленные «корабли» и «кормчим» этих кораблей было видно то, о чем официальное знание догадывалось, но умалчивало (совсем не случайно А. Блок собирался исследовать жизнь и философию старообрядчества).

*...от дьявольских копыт
Болеет мать земля сырая,
И от Норвеги до Китая
Железный демон тризну правит!
К дувану адскому, не к славе,
Ведут Петровские пути!... -*

гласили древние свитки. А. И. Солженицин недавно высказал мысль о том, что раскол - одна из причин трагического хода российской истории. Петровские реформы выбили почву из-под ног православного народа, старообрядцы же оказались наиболее стойкой его частью. Даже Православная Церковь, которая вела с расколом длительную и жестокую войну, в наши дни признала его, дивясь (не без зависти) силе духа «сынов Аввакума».

В основе русского раскола всегда лежали охранительные религиозные традиции, потому так неприязненно «божий люд» относился к любой экспансии с Запада. Там обитал «дух некрещеный», там все было «без души», «заморская тьма» (солнце садится на западе) всегда стремилась покрыть собой и Россию. Характерно, что Клюев в своей поэме упоминает Сиам, Сион, Александрию, Месопотамию, но абсолютно не приемлет западных святых.

Одно из центральных событий второй главы «Песни...» - сбор отцов («кормчих»), которые по определенному заранее потайному знаку собрались в подземелье в свой условный час и срок. Собор вел пресветлый Макарий, пришедший с Алтая. Его рассказ, весь состоящий из пророческих видений, приводит нас в замешательство - Макарий предвидел самые отдаленные события: гражданскую войну, губительное для природы

наступление железных машин, запустение деревни, даже гибель Аральского моря и экологическую катастрофу на Волге и на Украине:

*К нам вести горькие пришли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Что редки аисты на Украине,
Моздокские не звонки ковыли,
И в светлой Саровской пустыне
Скрипят подземные рули!*

*К нам тучи вести занесли,
Что Волга синяя мелеет,
И жгут по Керженцу злодеи
Зеленохвойные кремли,
Что нивы суздальские, тля,
Родят лишайник да комли!*

Точность и подробность описания будущего, действительно, потрясают, но они - не единственные в своем роде. О подобном говорил, например, Св. Серафим Саровский, да и в народе бытовали стойкие представления о дальнейшей российской жизни. Н.Клюев в 1908 году в статье «С родного берега» писал, что «в Псковской губернии видели огненного змея, а в Новгороде сжатая рука Спасителя, изображенного на городской стене, разжимается. Все это предвещает великое убийство - переменение для России, время, когда брат на брата копье скует и будет для всего народа большое поплменение».

Пророчества пресветлого Макария органично соединяются в поэме с авторским отступлением («Клад ты мой цареградский»), в котором дорисовывается эта общая апокалипсическая картина. Тем временем в сюжете «Песни...» продолжается автобиографическая линия. Мать посылает Николеньку на Соловки, к отцам Савватию и Зосиме на учение. Она предсказывает свою кончину через «семь плачущих легких лет» и дает ему свое благословение:

*Тебе дается завещанье
Чтоб с мира божьего сиянье
Ты черпал горсткой золотой,*

*Любил рублевские заветы
Как петел синие рассветы
Иль пальце девичья игла...*

В Соловецком монастыре Николенька прожил вместе со схимниками несколько лет и молва о чудо-отроке разносилась по всей округе. Между прочим, взгляд на современность у православных и раскольников оказался общим. Так, Савватий учил молодого Ключева:

*Узнай, лосенок, что отныне
Затворены небес заставы,
И ад свирепую облавой,
Как волк на выводок олений,
Идет для ран и заколений
На Русь, на Крест неборимый.
Уж отлетели херувимы
От нив и человеческих гнезд,
И никнет колосом среди звезд,
Терновой кровью истекая,
Звезда монарха Николая,-
Златницей срежется она
Для судной жатвы и гумна!*

В своей поэме автор с большим уважением говорит о схимниках и с теплым чувством вспоминает об этом периоде своей жизни: «И было в келье мне, как в храме, Как в тайной завязи зерну...» В современной научной литературе, однако, существует другое мнение на этот счет: «Аскетический образ жизни... пришлось юноше не по душе. Общительный характер, которым он был наделен от природы, его страстный интерес к окружающей жизни, не понравились монахам с самого начала. За молодым прислужником (правильно: послушником - В.Б.) был установлен тщательный надзор. Это вызвало с его стороны открытое недовольство. После одного объяснения с «братьями» Ключев ушел из монастыря» (Н.Неженец).

«В калигах и посконной рясе» Ключев возвращается с Кольского полуострова в родные места: «Голубоокий и пригожий, смолисторудый, пестрядной, Мне улыбался край родной...»

Но здесь его ждало тяжелое испытание: дома умирала мать. Попрощаться с ней из разных мест прибыли «китежане» - люди невидимого града, пришли даже три старца из Персии. Успение ее было тихим и светлым:

*Николенька, моя кончина
Пусть будет свадьбой для тебя,-
Я умираю не кляня
Ни демона, ни человека!..*

Клюев потерял мать в точный срок, ею предсказанный. Прасковье Дмитриевне было тогда 37 лет. Удар для Николая оказался настолько сильным, что он «упал замертво и лежал три дня недвижимо. Стали считать и его умершим. Но вдруг он страшно закричал и открыл глаза».

Придя в себя, он вот что рассказал: маменька явилась ему светлая, живая, окруженная светлым облаком. Взяла его на руки (он видел себя в возрасте четырех-пяти лет) и полетела с ним. Ничто им не было там препятствием; они пролетали необъятные пространства: виднелись глубокие пропасти, много страшных чудовищ, ветры сильные, бури огневые. Коля очень боялся. Мать успокаивала его, держа на руках. Но вот они прилетели в чудное, тихое место - и перед широкой беломраморной лестницей, уходящей в необозримую высь, остановились. Параскева опустила Коленьку с рук и поставила у лестницы. Взяла за руку - и стали они подниматься по лестнице. Но поднявшись всего лишь на несколько ступеней, несмотря на усердное моление маменьки взять сына с собой, они вдруг услышали громовой голос: «Не готов!» - и все исчезло» (публикация А. Михайлова).

Третья глава «Песни...» («Гнездо третье») - наиболее загадочная. В ней рассказывается о событиях 1914-1916 годов: о Великой войне (ее еще называют Первой мировой) и убийстве Григория Распутина. В начальных двух частях главы действует эпизодическое лицо: призванный в армию из лопарских мест «лебеденок» Алеша. За русскую картинную статью («королевич Вова!») его отправляют на службу в Царское Село. Клюев, рассчитывавший, вероятно, сделать «птенца» Алешу главным героем «третьего гнезда» (сам поэт по нездоровью был освобожден от военной службы), все-таки не решается доверить

ему совершить важнейший сюжетный ход - провести идейный поединок с Распутиным:

*Слишком тяжкая выпала ноша
За нечистым брести через гать.
Чтобы смог лебеденок Алеша
Бородатую русскую лошадь
Полудетской рукой обуздать!*

В стихотворениях поэта это имя встречается довольно часто («Меня Распутиным назвали...» и др.); Клюев, по собственному свидетельству, был с ним знаком, встречались они неоднократно, и отношения их друг с другом складывались непросто. Спор Клюева с Григорием, - и в жизни, и в 3 главе поэмы - имел не только личный, но и своеобразный нравственно-религиозный подтекст. Распутин являлся, как и Клюев, одним из лидеров русского раскола, одним из вождей духовных христиан, так называемых «хлыстов-христововеров». Привычный всем нам образ развратника и шарлатана был навязан «желтой» прессой еще при его жизни. Но не все было так просто. По свидетельствам современников, Распутин обладал философским складом мышления, тонким политическим чутьем, и согласно своим убеждениям, проводил последовательно христианско-демократическую линию, целью которой была реформа православной церкви: «Мой бог обрядней, чем Христос...» Все это в определенной степени способствовало потребностям крестьянской массы. Но Клюев угадал в нем нечто иное, более опасное, чем обычное реформаторство - личину лжепророка. «Я маленький Христос.» - говорил Распутин. И царь дал ему другую фамилию - Григорий Новых, что означало: Новый Христос.

В Царском Н.Клюев впервые увидел Николая II - в саду, который. «Уже померкший, Весь просквозил нетопырями, Рогами, крыльями, хвостами...»:

*Свершилось давнее. Семужный,
Поречный, хвойный, избяной,
Я повстречался въявь с судьбой
России - матери матерой,
И слезы застилали взоры...*

Любовь к царю и страх за его будущее, а значит, - и за будущее России приводит поэта к мысли «выкоптить заклепку» - Распутина - «Из Царскосельского котла, Чтоб не слепила злая мгла Отечества святые очи!» Фантастическим образом в ту декабрьскую ночь, когда «бес» был приговорен Юсуповым и Пуришкевичем к смерти, Клюев оказывается возле Черной речки вместе с Есениным, которого он называет «богоданным», «вещим» братцем (в конце 1916 года поэт, действительно, выступал вместе с Есениным на поэтических вечерах в Петербурге). Они оказываются свидетелями последних минут жизни Григория Распутина. Клюев выносит ему свой неумолимый приговор:

*России, ранами обильной,
Ты прободал живую печень,
Но не тебе поставит свечи
Лошкарь, кудрявый гребнедел!
Есть дивный образ, ризой бел,
С горящим сердцем, солнцеликий...*

Может показаться, что поэт придает этому событию слишком большое значение... Увы, «убийство ближайшего советника императора в конце декабря 1916 года стало поворотным пунктом в истории Российского государства и российского народа... царь отрекся от престола, его арестовали. Глава Временного правительства А. Ф. Керенский, едва получив власть, первым делом приказал найти могилу старца Григория, выкопать гроб с его телом и привезти в Петербург; гроб неделю прятали на конюшне. Потом по личному распоряжению Керенского гроб с телом Распутина отвезли за город и в лесу сожгли, торопливо составив акт» (В. Фалеев). Так закончилось еще одно действие кровавой трагедии России (два года спустя сожгут тела царя и его семьи).

Заключительные две части последней главы «Песни...» (второй вариант названия поэмы - «Последняя Русь») завершают ее идейно-тематическую и образную канву. Современная действительность для Клюева - «лихие тушинские годы», где «правят бесы», пожирая «то коня, То девушку, то храм старинный...»; где молитва, милостыня, даже обычная ласка - «пороки» индустриального «прогресса»; где окно с «девичьей иголкой» -

*Запыхало комсомолкой,
Кулачным смехом и махрой
Над гробом матери родной!*

Поэт обращается к «посмертному другу», т. е. к читателю:

*Бежим, бежим, посмертный друг,
От черных и от красных выюг,
На четверговый огонек,
Через Предательства поток,
Сквозь Лес лукавых размышлений...*

Единственный путь к возрождению Руси для Клюева - Вера:

*Святая Русь, мы верим, верим!
И посохи слезами мочим...
До впадин выплакать бы очи,
Иль стать подстрешным воробьем,
Но только бы с родным гнездом...*

Ибо то, что происходит в России - часть общемировой схватки сил добра и зла и «религиозный смысл этих исторических событий не вызывает сомнений. Стремилась уничтожить Россию как престол Божий, русский народ - как народ-богоносец» (митрополит Иоанн). Надежда у Клюева одна - на будущие поколения россиян:

*Святые девушки России -
Купавы, чайки и березки,
Вас гробовые давят доски,
И кости обглодали волки,
Но грянет час - в лазурном шелке
Вы явитесь, как звезды, миру!*

Ведь живет же в глубине Руси, укрытая кедровым шатром, дочь у давно овдовевшей подруги Прасковьи Дмитриевны - Арины - дочь Настя. И Любовь ее - тоже единственная и неизменная - любовь к Богу:

*Вся в бабу, девушка в семнадцать
Любила платом покрываться
По брови, строгим, уставным,
И сквозь келейный воск и дым
Как озарение опала,
Любимый облик прозревала...*

Действие поэмы разворачивается на огромных пространствах России, но в тексте упоминаются и Лапландия, и Шираз, и Кавказ, и Индия. «Песнь...» имеет все три временных измерения: настоящее, прошлое и будущее, они свободно входят друг в друга. Ритмическое ее строение разнообразно: звучат и колыбельная песня («Усни, мой соенок, усни!..»), и сказ, и частушка; не чужды ее словесной ткани узорные притчевые отрывки, лирические протяжные песни, а также ритмы былин и баллад. Любимая рифма «Песни...» - парная. Фольклорная основа произведения видна и в широком использовании поэтом олицетворений, сравнительных оборотов, традиционных тропов («Переключались озера», «как березка, ровен стан...»), «скатилось солнце...» и др.) Кроме постоянных, он вводит в текст неожиданные эпитеты: слюдяной мрак, янтарное яичко, бисерный органец. Нередки в поэме русские сказочные образы: Финист-Ясный сокол, Василиса Прекрасная, Роман-царевич (которых полонил «ворог котобрысый» и «приволочил красоту на рынок»); образы общемифологические: птица Сирин, Алконост, Левиафан. Индивидуальная особенность поэта - его любовь к составным словам: чудодейный, сизобрад, смолисторудый и т.п. Словарь у Клюева, как всегда, богатейший: от религиозной лексики (акафист, Утоли Моя Печали, Покров и др.) - до просторечий: бает, не замай (особенно в 3-й главе).

Однако, самая интересная и, к сожалению, малоисследованная особенность его поэтики - образная символика. Система его поэтических символов близка народной. Таковы образы-символы животных: кукушка - предвестница несчастья; белая лебедушка - девица-невеста; ворон - вестник страха; змея - зло, смерть; конь - счастье, свобода; неба и небесных светил: звезда - счастье, красота, духовная чистота; небо - красота, счастье, святость; солнце - жизнь, радость; закат солнца - смерть; заря - девичья красота; Стихий, погодных

условий, времени суток: метель - рок, судьба; ветер - горе; дождь - слезы; туман - печаль, слепота, смерть; день - жизнь, добро; ночь - смерть, зло; Пространств земли и воды: дорога - судьба; река - разлука, расставание; Примет быта: дом - уют, прочность, счастье; деревня - жизнь крестьянства; храм - святость. Использует поэт цветовую символику (голубой цвет - чистота, святость; черный - смерть, печаль; белый - чистота, целомудренность, святость; зеленый - молодость; красный - любовь, красота) и символику чисел (3, 7 - счастливые цифры; 9, 6 - роковые).

«Песнь о Великой Матери» - значительное и глубокое произведение, и этот первоначальный анализ поднимает лишь поверхностный пласт его содержания. Н.Клюев обладал богатейшими запасами народной художественной и философской мысли, огромной культурой. В своем творчестве «он опирался на самый широкий круг источников, полное выявление которых требует коллективных исследовательских усилий» (Э.Мекш).

Особо нужно сказать о снах в поэме. Для Клюева это не просто художественный прием. Многие сны он запоминал и записывал, зная, что вскоре они станут пророческими. Вот что говорит об этом критик и литературовед Ал. Михайлов: «С детских лет начинаются сопутствующие ему всю жизнь вещи знаки его осененности свыше, приобщенности к незримому, потаенному миру идеального бытия». Мать Клюева после своей смерти передала ему пророческий дар. О предсказаниях Клюева уже говорилось выше, но о некоторых из них хочется сказать отдельно. Вот цитата из текста поэмы: «По тихой Припяти, по Каме, Коварный заступ срезал цвет. И тигры проложили след». - Чернобыль? Вот запись сна: «страшные вести будущей России принесет гонец из Карабаха». - ?? А вот и вовсе невероятное - дата: «Россия увидит начало расцвета нации в 1999 году». - ??? Что-ж, поживем - увидим...

СЛОВО В ВЕЧНОСТИ

(Николай Рубцов)

Тайна русской души сокрыта в национальной поэзии. «В лирике наших поэтов, - писал Н.В. Гоголь. - есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно что-то близкое к библейскому... Верховный источник лиризма - Бог», однако приходят к нему «одни сознательно, другие бессознательно, потому что русская душа вследствие своей русской природы, уже слышит это как-то сама собой, неизвестно почему.»

Когда говорят о религиозных мотивах в творчестве Николая Рубцова, либо какого-нибудь другого поэта советского времени, не оставляет ощущение некоторого неудобства от подобной категоричности. С одной стороны, большинство русских философов (Н. Бердяев, Л. Карсавин, Н. Лосский, В. Соловьев и др.) считали, что «основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра» (Н. Лосский), что «существенный момент русского духа есть религиозность, включая и воинствующий атеизм» (Л. Карсавин), с другой - тот же Г. Федотов, например, был убежден, что «настаивать на исключительной религиозности русского характера неисторично и несправедливо». Более точным, наверное, был И. Ильин: «Русский народ нуждается в покаянии и очищении... у религиозных людей - в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных - в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой. Рубцовские строки:

*Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста. -*

своеобразная исповедь перед лицом Бога. Тем более, что еще в «Голубиной книге» было сказано: «...сам белый свет ...зачался от лица божьяго...»

В двуединстве христианских и языческих представлений -

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

РОССИЯ, РУСЬ!
ХРАНИ СЕБЯ...

ключ к пониманию поэзии Н.Рубцова. В самом деле, «По народному воззрению, небо - терем Божий, а звезды - очи взирающих оттуда ангелов.» (А.Н.Афанасьев), - Рубцов считал, что звезды - это «голубые вечности глаза», что «небо тоже Глазами звезд на нас смотрело...» Как «Солнце уподоблялось блестящему венцу, короне на главе небесного бога», так и у Рубцова - «солнце на пашнях венчает обильные всходы Старинной короной своих восходящих лучей.» В Вологодской губернии считалось, что «тихий ветерок возникает от дуновения ангелов, а бурный - результат действия дьявольских сил...» - у поэта находим и то, и другое:

*Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...*

.....
*Когда в окно осенний ветер свищет
И вносит в жизнь смятенье и тоску...*

В славянской мифологии «очистительная символика воды раскрывается во многих обрядах: хождение за водой, внесение ее в дом...» Сознательно или бессознательно, но Рубцов воспроизвел подобный обряд в стихотворении «В горнице», посвященном памяти матери:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Земля воплощала в мировоззрении славян «не только образ матери человека, но и весь род как единство живых и уже отшедших в мир иной.» Сравним у Рубцова:

Здесь каждый славен - мертвый и живой!

Более того:

*Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.*

Русские люди перед смертью надевали чистое белье, - чтобы не осквернить собой землю, - поэт также соблюдает традицию:

*Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный свято погребен
В такой же белой горестной рубашке...*

Правда, тут есть и есенинский источник:

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

В 1939 году Г. Федотов, находясь в эмиграции, с надеждой спрашивал: «Нет ли таких медвежьих углов, где еще живут старые поверья, не порвалась древняя связь с землей?» Он горевал напрасно - в России сделать это было почти невозможно:

*Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли...*

Разница в восприятии даже обычных природных явлений у поэтов-эмигрантов, оторванных от земли, от родной почвы, и поэтов, живших в России, необычайно велика. Сходные по тематике стихотворения Ю. Трубецкого «Снег» (1967) и Н. Рубцова «Выпал снег...» (1969) в остальном - диаметрально противоположны.

Ю. Трубецкой:

*Не к добру, видно, выпал снег,
На снегу виден талый след.*

*Там готический встал собор,
Незамеченный до сих пор.
Мне бы счастья хоть пару крох.*

*Ишь чего захотел, смотри!
Там за снегом черта зари.*

*Будто кто-то там кровь разлил
Или банку красных чернил.*

*Там готический встал собор.
За собором грязный забор,*

*А на нем вороны сидят
И насмешливо мне галдят:
«Было счастье здесь, но давно,
Испарилось уже оно,*

*Как растаявший это след,
Как никчемно выпавший снег...»*

Н.Рубцов:

*Выпал снег - и все забылось,
Чем душа была полна!
Сердце проще вдруг забилося,
Словно выпил я вина.*

*Вдоль по улице по узкой
Чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.*

*Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.*

*Снег летит - гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.*

Здесь все разное: и настроение, и ритм, и образный ряд. Только время одно...

«Все великое и священное идет изнутри - от сердечного созерцания», - писал И. Ильин. «Что-то близкое к библейскому» было не только в стихах, но и в облике Николая Рубцова, в его характере. Об этом говорят воспоминания самых разных людей:

«Коля был человеком очень чувствительной и нежной души». (Галина Матвеева); «Доброты в нем было через край, доверчивости - еще больше: простота, не знающая границ...» (Александра Меньшикова); «Николай Рубцов был добрым. Он не имел имущества. Он им всегда делился с окружающими. Деньги тоже не прятал.» (Глеб Горбовский); «Денег не берег... Бессеребренник и вечный странник.» (Валентин Сафонов);

«В компаниях он мог быть самым разным. То центром всеобщего внимания, то глубоким и тонким собеседником, то безудержным весельчаком, то молчаливым наблюдателем, то совершенно незаметным «неучастником». Он был всяким, но никогда не был ни вздорным, ни злым.» (Эдуард Крылов); «Ни в одних стихах Рубцова даже тени нет озлобленности.» (Виктор Астафьев); «Навязчивости в Рубцове не было никакой, пьяным за три почти года мне не довелось его видеть ни разу, и потому многое в рассказах о нем представляется досужим вымыслом.» (Василий Оботуров); «После смерти стали говорить, что Рубцов пьяный писал стихи - это клевета. Он где-то уединялся и там писал. Как-то Бог руководит.» (Виктор Астафьев).

Совершенно христианское видение жизни можно обнаружить не только в программных стихотворениях Рубцова («Философские стихи», «Старая дорога», «Русский огонек», «До конца» и др.), но и в обычных, рядовых стихах:

*Я долго слушал шум завода -
И понял вдруг, что счастье тут:
Россия, дети и природа,
И кропотливый сельский труд!*

Сергей Багров пишет: «Часто он говорил, что хотел бы пожить на земле обыкновенным простым человеком». В рубцовской поэзии нетрудно найти подтверждение этим словам:

*Вот, я думаю, стать волосатым
паромщиком мне бы!*

*Только б это избрать, как другие смогли, -
Много серой воды, много серого неба,
И немного пологой родимой земли...*

Н.Рубцова тяготила искусственность и неискренность отношений в «интеллигентской» писательской среде, он чувствовал себя гораздо уверенней в общении с людьми «из низов». Там он находил и душевное участие, и подлинное понимание смысла собственного поэтического труда. Вот что рассказывает мать писателя А.Романова, Александра Ивановна: «... он стеснительно так подвинулся по лавке в красный угол, под иконы, обогрелся чаем да едой и стал сказывать мне стихотворения. Про детство свое, когда они ребятенками малыми осиротели и ехали по Сухоне в приют; про старушку, у которой ночевал, вот, поди-ко, как у меня, про молчаливого пастушка, про журавли, про церкви наши христовые, поруганные бесами... Я вспугнуть-то его боюсь -так добро его, сердечного, слушать, а у самой в глазах - слезы, а поверх слез - Богородица в сиянье венца. Это обручальная моя икона... А Коля троеперстием-то своим так и взмахивает над столом, крестит стихотворения... Теперь уж не забыть его... Перед сном все карточки на стене посмотрел и говорит: «Родство-то у вас какое большое!» Будто бы позавидовал. «Да, - говорю, - родство было большое, да не по времени. Извелось оно да разъехалось.» - «Везде беда», - только и услышала в ответ...

Поутру он встал рано. Присел к печному огню да попил чаю и заторопился в Воробьево на автобус. Уж как просила подождать горячих пирогов, а он приобнял меня, поблагодарил и пошел в сумерки. Глянула в окошко - а он уж в белом поле покачивается. Божий человек...»

Иногда в литературе о поэте можно встретить и такое «мнение»: мол, Н.Рубцов написал мало, его творчество изучено достаточно, сказать что-то новое о нем уже невозможно... Удивляет непонимание сути поэзии: если это поэзия, то она бесконечна, бессмертна, как Слово, и каждый человек, каждое поколение черпает вдохновение из этого океана. Завершится история, исчезнет человечество, погибнет земля, а Слово останется. В.Соловьев считал, что Слово (Логос) Божества - явный и действующий Бог. Тут он поистине «открыл Америку»:

любой священник мог ему сказать, что голос совести - это голос Бога в человеческой душе.

В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (1:1). Поразительно, насколько просто и ясно объяснена в этом единстве Бога и Слова сама природа Божества! Слово - уникальное явление, оно материально и идеально одновременно, слово - материализованная идея, т.е. действие уже совершившееся. Кроме того, это действие, закрепленное в слове, несет в себе еще и опыт многих и многих людей (потому оно и символично). Слово - не только звуковая оболочка мысли: ученым давно известно, что мысль, т.е. «информацию» передать человеку без слова (речевым ли способом, либо заменителем - это не суть важно, в основе передачи - действие, опыт) в принципе невозможно, - дети, воспитанные животными, так и остаются животными, пока их не коснется словесный огонь. Слова - материализованная жизнь души. Чем чище душа, тем возвышеннее и прекраснее человеческая речь, и наоборот. От сотворения человека Богом ему было дано Слово, Божественное начало, и вина человека, что это богатство он рассыпал и заменил чистейшее золото фальшивыми медяками... Правда, многие считают, что к Слово мы пришли сами, в тяжком труде теряя обезьяний волосяной покров - но это уж как кому угодно...

В 1964 году Рубцов в письме к А.Яшину признался, что в своей поэзии «предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас.» А ведь религия есть «всегда то или иное самоутверждение личности в вечности» (А.Лосев). - не в земной, временной жизни, а именно в вечности! Потому «его поэзия и способна, - пишет Г. Горбовский, - не только воспитывать в человеке чувства добрые, но и формировать более сложные духовные начала.»

Николай Рубцов очень рано, в 14-летнем возрасте сделал свой выбор. Он написал в 1950 году:

*Рассыпались листья по дорогам,
От лесов угрюмых падал мрак...*

*Спите все до утреннего срока!
Почему выходите на тракт?*

*Но мечтая, видимо, о чуде,
По нему, по тракту, под дождем
Все на пристань двигаются люди
На телегах, в седлах и пешком.*

*А от тракта, в сторону далеко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечет меня туда.*

*Кто же знает, может быть, навеки
Людный тракт окутается мглой,
Как туман окутывает реки...
Я уйду тропой.*

Сознательным был этот выбор, или бессознательным -
теперь это уже и не так важно...

«У КАЖДОГО СВОЙ ПУТЬ И БЕРЕГ...»

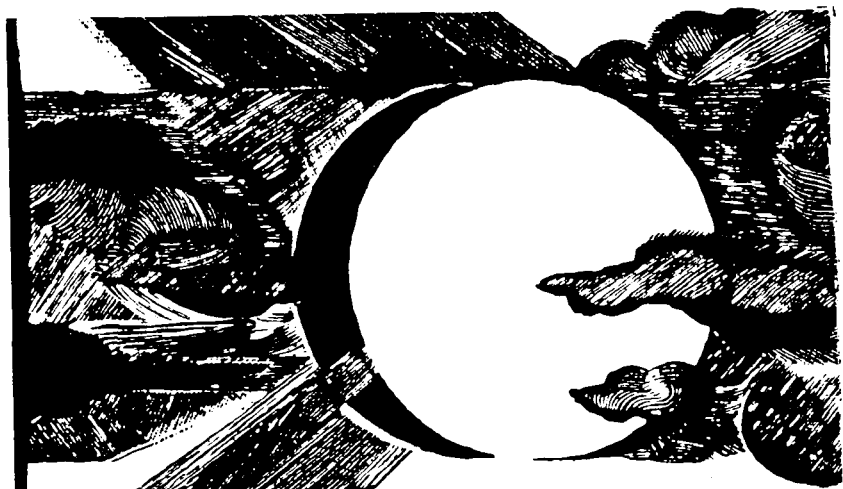
Говоря о вологодской поэзии «периода застоя», невозможно не упомянуть человека, которого считали и сейчас считают патриархом литературы русского Севера - поэта и прозаика Алесандра Яшина.

Без его дружеской помощи, опеки вряд ли такие известные сейчас литераторы, как В. Белов, С. Викулов, О. Фокина и др. смогли бы относительно легко войти в литературу. Значительно влияние Яшина и на поэтов - младших современников. В усилении интереса к нравственному миру личности в современной поэзии существенна и его роль. Не без влияния А. Яшина обратился к деревенской теме В. Коротаев, в отношении к творчеству как к полнейшей самоотдаче созвучен А. Яшину и Н. Рубцов. Александр Яшин сыграл большую роль и в личной судьбе Рубцова. В стихотворении «Последний пароход», посвященном памяти учителя, Н. Рубцов, вспоминая о последней путешествии с Яшиным по реке Сухоне, печально произнес:

*В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, встречаемый народом...
Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
Что грустно так поют суровым хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над беспробудно дремлющим узором.*

Чувствуя яшинскую поддержку, самостоятельным путем шли такие поэты, как А. Романов, В. Коротаев, С. Чухин. Хотя Сергей Чухин все-таки стоит особняком в вологодской поэзии...

Один из самых талантливых, проникновенных лириков, обещавший сделать так много, он не сумел обрести собственную поэтическую стезю. Стихи Чухина отличаются строгостью композиционного построения, умелым использованием разговорной речи, тщательной отделкой строки. Голос его - чистый

СЕРГЕЙ
САВИН
НОЛЬ
ЧАСОВ

и свежий - поражает своей душевной открытостью, отзывчивостью, незащищенностью...

*Настроив душу на добро,
На чистоту лесной бересты,
Понять природу так же просто,
Как птице обронить перо...*

«Рано приобщившийся к поэзии, еще в школьные годы... поэт писал о том, что видел сам, о том, чем живут родные и близкие. В этом он ориентировался сразу и довольно определенно, но, едва овладев поэтической техникой, едва уловивши собственные интонации в голосе, он сразу оказался в трудной ситуации. По складу характера С.Чухин - лирик, склонный к созерцательности, элегической грусти, это ему присуще изначально. Но этим он оказался родствен, близок Николаю Рубцову, с которым он потом был дружен», - пишет Василий Оботуров. Первый, маленький (из 12 стихотворений) сборник С.Чухина «Дни покоя» (1973), выпущенный московским издательством, подтвердил поначалу его дарование. В стихотворениях «Прошла машина, тяжело дыша...», «Далеко, за темными холмами...», «Позабыл и дом родной, и детство...» и др. был слышен все тот же голос, необычайно ровный, чистый, спокойно-торжественный, напоминавший лучшие образцы «тихой» лирики 60-х годов:

*Куда спешить... И я домой не рвусь,
Я предаюсь душевному покою.
Запомнись же, запомнись мне такую,
Вечерняя и дорогая Русь!*

Одно смущало внимательного читателя: темы стихотворений, ритмическое их строение, преобладающая неспешная разговорная интонация - все как бы продолжало Николая Рубцова. В.Оботуров по этому поводу заметил: «Преодолеть влияние поэта, родственного по характеру, всегда труднее и тем не менее - необходимо». Однако последовавшие затем сборники С.Чухина: «Дым разлуки» (1974), «Осенний перелет» (1979), «Ноль часов» (1980), «Стихотворения» (1982) не дали открытий, в них продолжалась все та же тема исканий.

узнавались те же легкие пейзажи, звучал все тот же голос, ясный, гармонический и - ничего своего. Несамостоятельность поэта уже вызывала раздражение критиков, время было упущено. Последняя, самая полная книга С. Чухина вышла спустя год после его трагической гибели («Придорожные камни», 1988). Новых стихов в ней - совсем немного. Лучшее из них, пожалуй, - «Письмо без адреса», в котором есть и такая строка: « У каждого свой путь и берег... »

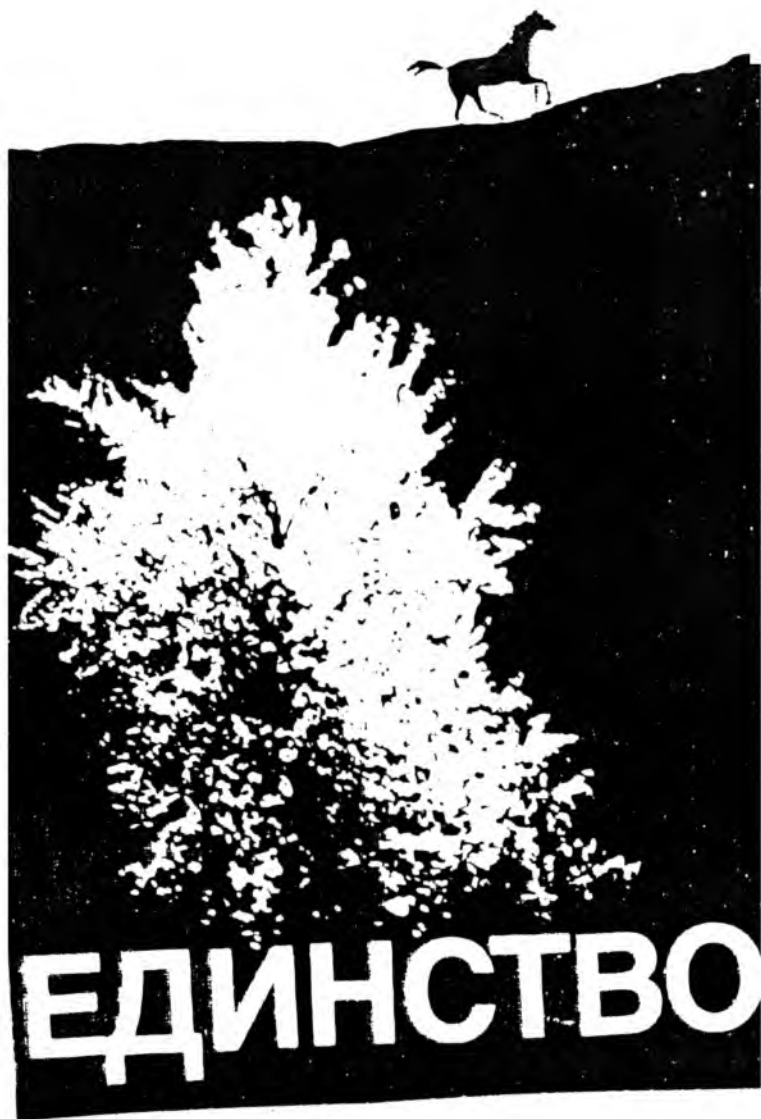
Сергею Чухину. - увы, - их не суждено было найти...

Другой поэт этого поколения, Виктор Коротаяев, дебютировал сборником «Экзамен» в 1962-м году, будучи студентом пединститута. Затем одна за другой стали выходить его поэтические книжки - целых семь до 1975-го года. В 70-х - 80-х имя В. Коротаяева становится известным. По мнению В. Оботурова, «Коротаяев остается самим собою, о чем бы он ни писал. Даже в том случае, когда попадает под власть интонации А. Яшина или Н. Рубцова. Активная натура поэта берет свое, при этом он вполне серьезен в стремлении узнать и по-своему объяснить, истолковать мир». Действительно, в 80-х годах из сборников В. Коротаяева «Перекаты» (1980), «Прекрасно однажды в России родиться» (1982), «Караульная сопка» (1984), «Вечный костер» (1984), «Третий гудок» (1987) и др. исчезает былая безмятежность, появляется драматическое восприятие жизни. Поэт ощущает «присутствие другого человека», он предупреждает: «...недрузи не дремлют», указывает далеко не на внешние силы зла:

*Пьянчуг, ворюг - клеймим, поганных!...
Не признаваясь, что давно
В самих, как в хитрых чемоданах,
Затаено
Двойное дно.*

Но в последующих стихотворениях: «Мои святыни рушатся, как храмы...», «Побежали крысы с корабля...», «Философ» и др. - поэт не идет дальше этого разоблачительного пафоса, сбиваясь на повторы и многословие. Благородное негодование вдруг сменяется тоской одиночества, в его поэзию входит тема смерти («Могила, тьма, небытие...», «Я знаю: скоро грянет час...», «Может, годы мои на исходе...»). В этой традиционной теме

Виктор Коротаяев

В.Коротаев, однако, не делает сколь-нибудь существенных открытий, он ищет спасение все в той же природе «малой» родины:

*Ведь жить на свете
Без природы,
Как все равно
Без сердца жить.*

В стихах В.Коротаева последних лет «огневая публицистичность», - по словам А.Романова, так к сожалению, и осталась замкнутой в прежних, незначительно доработанных художественных формах «тихой лирики». В сборнике «Единство», опубликованном в 1991 году, этот недостаток так и не был преодолен. Поэт продолжает писать рифмованной прозой («Ничего не надо подправлять...», «Докатились, кажется до точки...», «Плач по деревне», «Дите» и др.), при этом легкомысленно замечая:

*Она всегда меня бесила,
Моя ущербность словаря.*

Следует отметить, справедливости ради, что некоторые его сюжетные стихи оглушают своей жизненной правдой (в этом, кстати, они и родственны яшинским). Таково, например, стихотворение «Отпеваю родимую маму...»

К одному из самых известных поэтов Вологодчины, Александру Романову, успех пришел не сразу, хотя по возрасту он был старше того же В.Коротаева, С.Чухина или О.Фокиной. Первые его книги стихотворений: «Признание друзьям» (1956), «Утренние дороги» (1959), «Сыновья любовь» (1961) были замечены только в Вологде, но в стихах, собранных в книгах «Поземка» (1972) и «Радуга дней» (1973), поэт обрел силу и глубину дыхания, голос его зазвучал самобытно, пришла к автору и всероссийская известность. В своих поэмах «Северяновна» (1968), «Земля» (1969), «Черный хлеб» (1975) и других Романов утверждал единство исторической жизни национальной традиции, прежде всего нравственно-этической, идущей от крестьянства:

*Они стоят бесхитростно и просто
И доживают век великий свой.
Деревни - родовые наши гнезда -
Омыты грозовою синевой.
Но сердце ничего не позабыло.
И я с поклоном кланяюсь земным
И слово древнерусское «спасибо»
Произношу всем существом своим.
(«Черный хлеб»)*

И сейчас, спустя десятилетия, поэтом владеет то же чувство:

*О чем тужить?
На родине я снова!
Она - во мне.
И я - в ее ветрах...*

Но теперь это чувство земли требует от каждого человека личного действия, духовного усилия, даже подвига. Стихотворение А. Романова «Подвиг» настолько типично и символично, что его необходимо процитировать полностью:

*Душа ожила, да рука замерла
От робости на полувзмахе...
Из тьмы проступают, светясь, купола,
И призраки мечутся в страхе.
Уйми же в себе эту подлую дрожь,
Пора жить мудрей и смелее!
Чего же стоишь ты и в храм не зайдешь?
В нем жарко сияет моленье!
И радость раскаянья сердцу сладка,
Лишь встань над греховною бездной...
И вот поднимается к Богу рука -
Впервые. в слезах, троеперстно!*

Ольга ФОКИНА

В свое время Н. Рубцов в статье, посвященной творчеству поэтессы, отмечал: «Многим стихам Ольги Фокиной в смысле формы (Подчеркнуто мной - В.Б.) свойственно слияние двух традиций: фольклорной и классической».

За исключением своего первого сборника «Сыр-бор» (1963), во многом ученического, Фокина в своих книгах середины 60-х - середины 70-х годов «Реченька» (1965), «Аленушка» (1967), «Стихи» (1969), «Островок» (1969), «Самый светлый дом» (1971), «Избранная лирика» (1971), «Камешник» (1973), «Маков день» (1974) старательно следовала этим двум традициям. Во-первых, ее художественное сознание было близким народнопоэтическому «и своим органическим демократизмом языка и чувств, и естественным слиянием лирического переживания с общенародным эстетическим идеалом, выраженным в сказках, частушках, песнях, поговорках и, наконец, внутренней родственностью всей образной системы» (П. Выходцев). Поэтому так много в ее лирике олицетворений природы, обращений к родной земле, рекам, солнцу, сказочных мотивов; нередко Фокина использует диалектизмы, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (горюшко, силушки), традиционные фольклорные сравнения и т.д. Любимые жанры Фокиной - песня и частушка. Песенный строй ее многих стихотворений («Провожанье», «Есть у меня два полюса...», «Песни у людей разные...», «Мой хрустальный апрель!», «Ах рыбаки, проспали зорю...», «С каждым человеком уходящим...» и др.) - очевиден. В стихотворении «Тонькина рябина» Фокина сознательно подчеркивает эту связь:

*Что стоишь, качаясь,
Тонькина рябина?
У тебя - ни сада,
У тебя - ни тына.*

Частушечный ритм («Первый снег», «Майское», «Пишут девочки в газету...»), «что называется, в крови О. Фокиной. И нет ничего удивительного в том, что она не одно стихотворение написала «Под частушку», но они, эти стихотворения, отнюдь не

стали поэтическими примитивами, они, как и другие, сверкают всеми самыми яркими, самыми отшлифованными гранями, присущими ее поэзии» (С. Викулов).

Даже в поэмах слышен все тот же ритм:

*Сыпь, снежок, растаивай,
Ох, да падай снова!
...Я была Пылаева,
А теперь Смирнова.
(«Сыпь, снежок...»)*

Однако, ее стихотворения, в отличие от частушек, ограниченных строго определенными формами поэтического параллелизма, более широки и свободны в самораскрытии лирического чувства, язык их индивидуализирован.

Вторым, не менее плодотворным направлением в творчестве Фокиной стало обращение к некрасовской традиции. И не только потому, что сюжеты ее стихотворений порой повторяют Некрасова, - так, например, в стихотворении «Пожилая вдова, вдова...» видна прямая переключка с поэмой «Мороз, красный нос», - вдова зимой рубит дерево в лесу и погибает:

*Затуманилась голова,
Закачалась, как ель, вдова.
Тихо ткнулась руками в снег...
Вот и кончился человек.*

Прежде всего некрасовская традиция видна в изображении жизни русской крестьянки, ее тяжелой женской доли:

*Станут слезы колом в горле...
Удержи их, убери:
Это горюшко - не горе,
Горе будет впереди.*

Лирические монологи женщины, пережившей «военные годы, послевоенные», наполнены печалью:

*Знаю, что на месте поселка
Нашего - пустырь и разор.*

*Только одинокая елка
Не упала там до сих пор.
(«Посторонний»)*

С. Викулов в статье, посвященной творчеству поэтессы, писал: «Удивительно чистый, нравственно цельный образ русской крестьянки встает из стихов О. Фокиной о матери. Растя детей в тяжелейших условиях военной поры, она озабочена не только тем, чтобы не дать умереть им с голоду, она бережет их души от безверья, прививает им лучшие качества, какие усвоила от отца и деда сама: трудолюбие, совесть, готовность к самопожертвованию ради общего блага». Мать для лирической героини Фокиной - самый дорогой человек на земле, самый высокий нравственный авторитет.

*Гордая моя мама!
Горькая твоя доля
Голову носить ниже
Так и не научила.
Держишь ее - как надо:
Дерзостью встретишь дерзость,
Вдесятеро заплатишь
Людям за доброту...*

К сожалению, подобной художественной высоты Фокина не достигала в стихотворениях, посвященных «социально масштабным, характерным» явлениям действительности; непонимание истинных причин разорения российской деревни делало ущербным стиль, в котором отсутствовало общее эгегическое настроение, а было простое бытописание («Ах, как строится нынче деревня!», «Ты придешь в воскресенье...»). Если Рубцов шел от «личного к общему», то у Фокиной «общее делалось личным», субъективизм стал причиной узкого набора лирических тем. Даже в ранних поэмах Фокиной («Сыпь, снежок...», «Аленушка») лирическое преобладало над эпическим.

Начиная со второй половины 70-х годов, в творчестве О. Фокиной появились, казалось, новые черты. В сборниках «От имени серпа» (1976), «Полудница» (1978), «Буду стеблем» (1979), «Речка Содонга» (1980) Фокина

стремилась выйти из привычного круга своей поэзии, стихи стали приобретать мировоззренческую, философскую наполненность; природную образность и песенную плавность речи дополнила рефлексия, в лирике Фокиной появился образ дороги как символа жизни и судьбы:

*Жизнь, наобходившаяся строго,
Чувствую, прошла не без следа.
...Ужас перед каждою дорогой,
Ты меня оставишь ли когда?*

В лучших своих стихах («Боюсь, что не правда, а снится...», «Начало иль конец? Конец или начало?», «Я повторяю мудрую ошибку...» и др.) вопросительные интонации подчеркивали драматизм происходящего с лирической героиней, напоминали строй заговора, плача:

*...Ревущие турбины,
Заглушите плач издалека!
...Край мой милый! Край ты мой родимый!
Ты со мной, со мной еще пока.*

В программном стихотворении «Всего-то и было: зима да весна...» глубоко символические образы судьбы (звезда), жизни (дорога, колесо, колесница) делают его возвышенным, философски значительным. На «разумный» вопрос прохожего: «Не время ли остановиться?» лирическая героиня отвечает так:

*Мне долго по свету еще колесить
Без права устать и разбиться, -
Ничто не заменит меня на оси
Единственной - той - колесницы...*

Еще П. Выходцев заметил «символический параллелизм» в стихах Фокиной. Действительно, символика ее стихотворений в своей основе близка к народнопоэтической, но крайне немногочисленна и поэтому не выходит за рамки традиционного набора символов профессиональной поэзии, несмотря на весь внешний «фольклорный» облик.

Поэмы Фокиной («Полудница», «Хозяйка», «Малина твоя»)

ЛЫГА
ФОКИНА
ЗА ТОЙ
ЗА ТОЙМОЙ...

во второй половине 70-х годов стали приобретать эпические черты, от воспоминаний военного детства поэтесса шла к осмыслению истории. «Я много думала о жизни родной деревни, - писала она, - и пришла к выводу, что сельское хозяйство, сельский житель - это не только производство продуктов питания, это история жизни народа, и относиться к сегодняшнему дню только как к сегодняшнему - нельзя, тут неумолима связь с прошедшим и будущим, и ее надо глубоко знать и прозорливо предвидеть». Изменился язык поэм, в них стала преобладать разговорная речь, Фокина словно сама говорила «языком своих любимых героев - настолько она сроднилась с ними, настолько близки и понятны ей их образ мысли, их психология, их представления о жизни» (С.Викулов).

Казалось, еще немного, и поэтесса сумеет закрепить найденную верную интонацию, сумеет продолжить тему, присвоенную значительную. Но неровность ее многочисленных сборников стихотворений сводила на нет все приобретения. Стремление поэтессы «объять необъятное», излишние подробности, бытописание, а иногда и просто неудачи («Что ли мне тебя побаловать...», «Ах, незнакомая дорога...») разрушали цельность ее поэзии. Особенно обидные промахи она допускала тогда, когда шла против жизненной правды. Так, в стихотворении «Он не уехал из колхоза...» сомнительна речь пятнадцатилетнего подростка:

*И мне над миром не подняться,
Не отравиться от земли,
Пока со мной не окрылятся
Края, что к сердцу приросли. -*

Скорее это слова самой поэтессы.

В 80-х годах вышли новые сборники О. Фокиной: «Памятка» (1983), «Три огонька» (1983), «Колесница» (1983), «Избранное» (1985), «За той, за Тоймой...» (1987), «Матица (1987). Лучшим в них было то, что поэтесса сумела передать ощущение развала, горя и в опоганенной, отравленной природе, и в человеческой душе. В стихотворении «Поезд, стой! Помедли малость» нарисована картина разрушения земли не сыновьями ее, а - пасынками:

*Рой - взрывай, стирая грани!
Лес - в дыму, земля - в золе,
Лишь бы нынче - рубль в кармане
Да бутылка на столе...*

Стирающая грань «меж городом и селом» (Рубцов), новоявленные «устроители лучшей жизни» стерли вместо нее «неперспективные» деревни, а с ними - и нравственные устои. И болит душа поэтессы, когда она видит, как замалчивается правда о народной трагедии:

*Выходит свежая газета,
И в ней деревня говорит,
Но только снова - не об этом...
И у меня душа болит.
(«Наличники»)*

В стихи Фокиной влилась сильная публицистическая струя. Поэтесса призывала воскресить «сеятеля - сына Руси», протестовала против проекта поворота северных рек: «У Двины хотят отрезать голубой ее приток»; саркастически замечала, что мы «все пихаемся» «во дворянство», Мало жаждущих во крестьянство...» Фокина не могла молчать, она «кричала от боли»: «...Лелеяное веками, Какое огромное поле Теперь заросло сорняками!» Где же выход? Поэтесса давно сделала для себя вывод: истина жизни - в труде («Имеющему голос спеть...»).

90-е годы оказались для поэтессы самыми сложными и в жизненном, и в творческом отношении. Перестали выходить сборники, в журнальных публикациях палитра чувств порой ограничивалась только двумя эмоциональными красками: возмущением и растерянностью. Раскол в обществе О. Фокина сравнивает с ледоходом:

*На льдине, на льдинке
Похвально - отдельно
Плывем поодинке,
Поврозь, неартельно.
Несет нас, качает
Под вóплями чаек,
Не чуем, не чаем,
Куда мы причалим...*

В неизбежности и цикличности природных и социальных явлений Фокина видит положительное начало, но не снимает ни с других, ни с себя личной ответственности: «Не слышим, не внемлем: Мы любим - не землю.» Очищение и преображение души даже в самые катастрофические и позорные годы (а может, именно поэтому!) - вот, пожалуй, наиболее плодотворная лирическая тема поэтессы:

*Мне не до цен в ларьке -
Все одинаковы! -
Дойду до церковки,
Взгляну на маковки.
Ах, эти маковки,
Златые луковки:
На тучке мягонькой -
Как брошки-пуговки...*

И то верно: пора очнуться, расправить плечи, «и слезы вытерши, Наладив зрение», выдюжив труд духовный, приступить к давно ожидаемому народом труду на благо Отчизны:

*Мольбам старушкиным
Поможем здорово:
На то и руки нам,
На то и головы!*

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ, или еще раз о вологодском чуде в русской поэзии

Лет двадцать назад Вологодская область была для русской литературы центром притяжения, местом настоящего паломничества писателей и критиков - всем хотелось увидеть и понять, что это за места такие, «шибко литературные». Критики и литературоведы с почтением и трепетом произносили имена В. Астафьева, В. Белова, А. Яшина, С. Орлова, Н. Рубцова, наперебой говорили о «вологодской школе» в прозе, о «вологодском чуде» в поэзии, а давно получившая признание литературная Вологда рвалась Северными Афинами.

В «перестрочно-перестрелочное» пятилетие ажиотаж этот пошел на спад, - было, честно говоря, не до литературы, но в последние годы на фоне продолжающегося культурного кризиса лирика, особенно провинциальная, пошла в рост, изменилась ее тональность, началось накопление сил для будущего творческого подъема. В этой ситуации вологодская поэзия вновь, как и в прежние времена, заставила говорить о себе с подчеркнутым уважением и восхищением.

«Заново» были открыты Н. Клюев и В. Шаламов, разгорелась посмертная слава А. Башлачева и Н. Дружининского, живы и продолжают плодотворно работать С. Викулов, А. Романов, В. Коротаев, О. Фокина, М. Сопин... Но это «мэтры» вологодской лирики. Мне же хочется рассказать о «сантимэтрах», то есть о молодой поэтической поросли Вологодчины.

Первое лирическое отступление. Предлагаю вам, уважаемый читатель, вопрос «на засыпку»: как называется самая популярная передача на местных телеканалах России? - Правильно, «Песня в подарок». А теперь догадайтесь, в какой форме шлет поздравление ну, например, пенсионерка из Кобыльска своему внуку в Грязовец? - Молодец, сметливый мой читатель, в этой самой, стихотворной... Шлет и знает, что душераздирающее послание вполне серьезно, с выражением и даже с пафосом прочтет не кто-нибудь, а самая настоящая

звезда вологодского голубого экрана. И чуда здесь нет, это верно. О чуде вспоминается тогда, когда подсчитываешь, что из ста подобных заказных поздравлений девяносто девять – написаны в стихах.

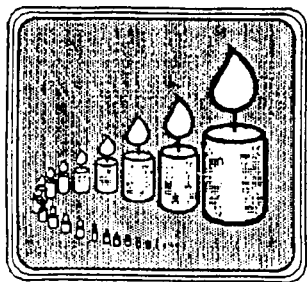
Любовь к поэтическому слову в этом краю повсеместна и неистребима. Не счесть всех выходящих на Вологодчине литературных газет, журналов, поэтических альманахов, коллективных сборников и авторских книг лирики. Тиражи, объемы и качество их оформления таковы, что вызывают черную зависть даже у москвичей. Издаваемая в областном центре газета-альманах «Свеча» (названная, вероятно, в честь вологодской почти патологической страсти к школьным поэтическим вечерам «при свечах») может успешно конкурировать с любым столичным литературным журналом. Районы, в свою очередь, изо всех сил стремятся доказать Вологде, что тоже «не лыком шиты». В них не менее активно работают многочисленные поэтические объединения и кружки, составляются и печатаются сборники, появляются первые книжки молодых поэтов, и не только за свой счет.

В Великом Устюге, например, не так давно была воссоздана действовавшая еще в 20-х годах литературная группа «Северный перевал». Начала она с малого: задумала опубликовать несколько выпусков (!) коллективного поэтического сборника литобъединения. Первый выпуск не заставил себя долго ждать – десять крупнейших предприятий города, не задумываясь, согласились стать его спонсорами!

Но Великому Устюгу, конечно же, далеко до Череповца, извечного соперника Вологды, – этот город провел уже несколько международных (!) фестивалей бардовской песни.

Областные же поэтические фестивали, конкурсы, олимпиады проводятся на Вологодчине с такой завидной регулярностью, что превращаются в сплошной кошмар... – нет, не для организаторов, а для почтальонов и членов жюри: стихи приносят мешками.

Второе лирическое отступление. И второй вопрос к читателю: как Вы полагаете, милейший, что будет делать молодая учительница, выпускница какого-нибудь вологодского вуза, приехавшая в деревню, давшая первые уроки в малокомплектной школе и успешная вести в тоску и уныние малокомплектных сельских парней?

Свеча

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

- Ни за что не догадаетесь! Она:
1. Напишет дюжину одинаковых стихотворений.
 2. Отшлет в журнал «Север».
 3. Будет возмущаться, что их не напечатали.

Не только в районах Вологодской области, но в любом ее городе и в каждой мало-мальски уважающей себя деревне есть свои поэты, причем не только любители. Это и студенты Литинститута, и авторы пухлых сборников, и даже члены Союза писателей. К слову, в Вологодское отделение Союза писателей России принимают далеко не всех и попасть туда гораздо труднее, чем в Москве, где союзов больше, чем писателей...

В стольном граде, кстати, недавно были замечены череповчанин Александр Пошехонов и поэт из Устюжны Юрий Максин. Приятно читать восторженных рецензии московских критиков на их сборники, приятно, что говорить... Если не знать, в каком жалком виде предстали они на страницах местной прессы. И поделом! - Ведь столице невдомек, что таких поэтов в области - десятки. Это Андрей Козловский из Вологды, Василий Ситников и Ольга Чернорицкая из Великого Устюга, Андрей Абрамов и Елена Кулик из Вожеги, Татьяна Жмайло, Николай Кузнецов и Андрей Широглазов из Череповца, Лидия Теплова и Александр Швецов из Сокола, Евгений Широков из Шексны, Римма Медведева, Любовь Горшенева, Нина Журавлева, Елена Савинова из Липина Бора, Елена Фурман из Харовска, Василий Мишенев из Никольска, Михаил Карачев из Кич-Городецкого района, Лидия Мокиевская из Кадникова, Татьяна Бычкова, Михаил Жаравин, Елена Пудожгорская, Наталья Сидорова, Наталия Старикова, Валерий Архипов, Инга Чурбанова из Вологды... Всех не перечислить. За один только 1993 год на Вологодчине увидели свет более 30-ти поэтических книг!

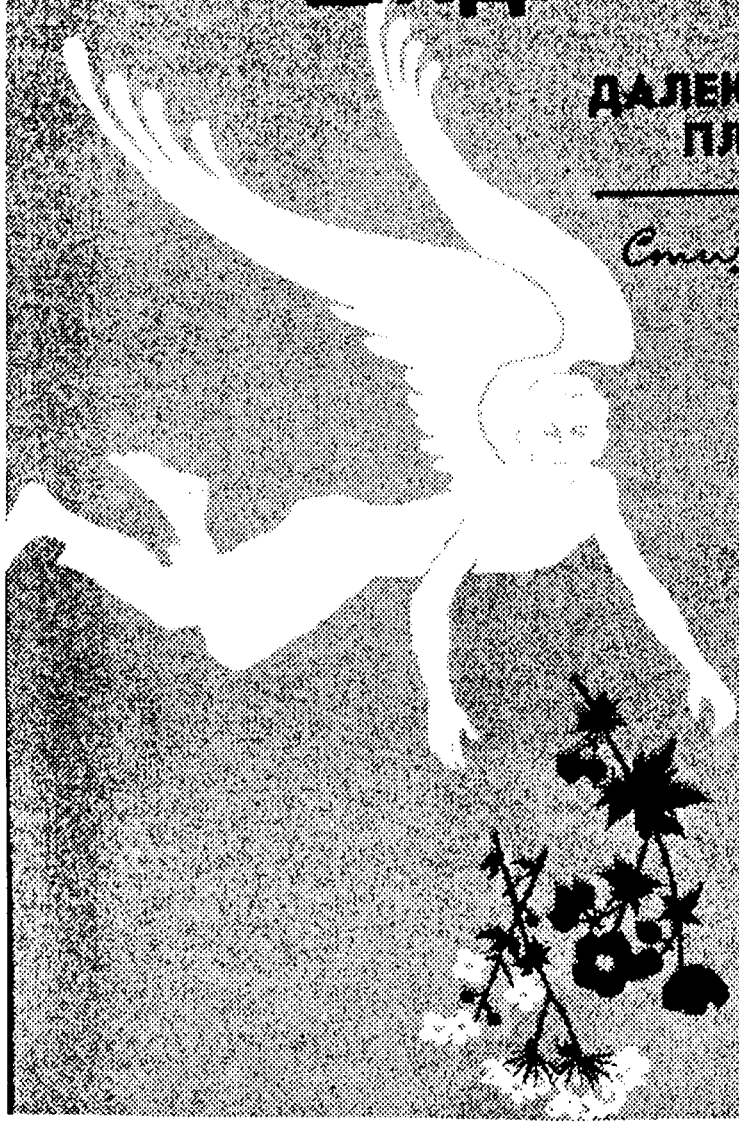
У этих лириков все еще впереди: и взлеты, и падения... Подобного уже никогда не испытает трагически погибший в 1992 году в армии и оставшийся навеки девятнадцатилетним Алексей Шадрин из Белозерска. В 1994-м году вышла книга его прекрасных стихотворений: чистых, пронзительных, не по возрасту мудрых. Настоящая потеря для русской поэзии... Но всего лишь для поэзии - он сам чувствовал относительность и своего призвания и своего пребывания в этом мире:

12 16
Ш 16

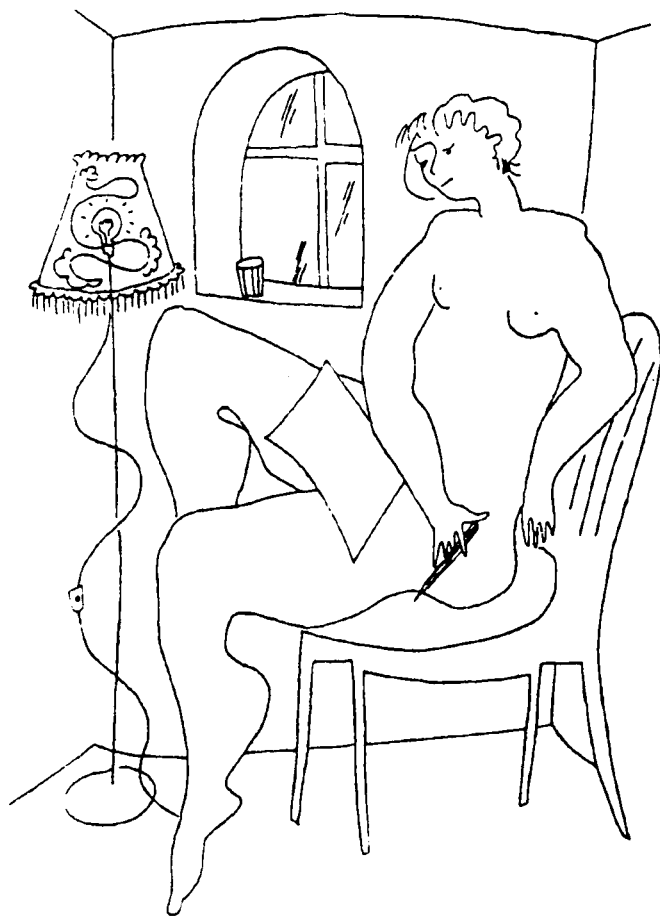
Алексей ШАДРИНОВ

ДАЛЕКИЙ
ПЛАЧ

Стихи

Валерий Архипов

СТРАСТИ ПО ЭВТЕРПЕ

Третье и последнее лирическое отступление. Стихи на Вологодчине пишут все - Вы уже почти согласны с таким выводом, дорогой мой читатель, но - крепитесь: Вы не представляете и представить себе не сможете, насколько все это серьезно...

Однажды, после того, как я закончил читать в обычной средней школе лекцию о современной лирике, ко мне подошел невысокого роста, но солидный с виду восьмиклассник и, сдержанно поблагодарив за урок, неспешно промолвил: «Я хочу подарить вам свою поэтическую книгу...» Автор этой статьи чуть не упал в коридоре, взяв в руки аккуратный сборник стихотворений, изданный тиражом в две тысячи экземпляров!

Недавно в одном из бесчисленных вологодских поэтических альманахов появилось предисловие к подборке стихов другого «маститого» автора: «Иван К...ий» учится в 3 классе школы № 14. Сочиняет стихи с 4 лет. Пишет фантастические рассказы. Лауреат областного литературного конкурса. Посещает творческую студию «Вологда молодая»... Теперь понятно, почему в очередном подобном издании одна из поэтесс в рубрике «Автор о себе» обреченно вздохнула:

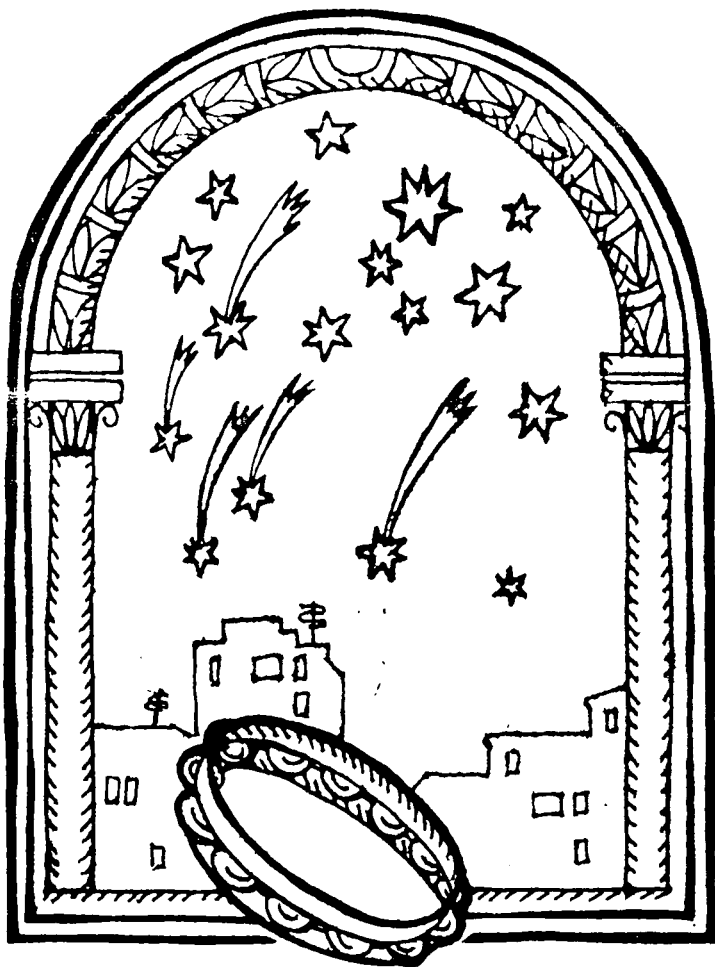
- Начала я писать очень поздно, лет в 16 - 17...

В 4-м номере «Невы» за 1994 год питерский поэт А.Городницкий вспомнил о хорошо забытой нами мудрости:

*Насколько мы честно
себя ощущаем
провидцами?
Согласно Ключевскому,
центр России -
провинция...*

В свое время Иван Грозный хотел перенести столицу Руси из Москвы в Вологду. Затея не удалась. Но во всем ли?

Инга Чурбанова
У меня своя Тоскана

ЕЕ ТОСКАНА

Заметным событием в литературной жизни Вологды стало появление новой книги Инги Чурбановой «У меня своя Тоскана».

«У каждого человека есть своя Тоскана, свое романтическое «там», - пишет в предисловии поэтесса. - Это может быть далекая невиданная земля, или ушедшая юность, или потерянная любовь, или что-нибудь столь же далекое и недостижимое. Оно живет по своим законам, по-своему называется и имеет свой аромат.

Мое «там» я называю Тосканой, именем одной из областей Италии, которая, как и всякая итальянская область, делится на провинции... Одна из таких провинций была открыта мной во время фольклорной экспедиции в верховья реки Пинеги...»

В обрамлении первой и третьей глав книги, в ее центре помещена глава вторая - поэма «Где мы были, куда летали». Это поэма-воспоминание о путешествии к родовым корням, в затерянную среди лесов архангельскую глушь. Душой поэтесса рвется в сказочные края: в итальянскую Тоскану или «желтую Австралию, в зеленую Австралию», а сердцем - в «свои леса».

Эпический сюжет - поездка на свадьбу к родственникам, сама свадьба и возвращение, - дополнен различными вкраплениями: народными песнями, монологами персонажей и авторскими лирическими отступлениями. Это многоголосие и, соответственно, смена ритма не рвет художественную ткань поэмы, а образует главный ее сюжет - лирический. Песенный зачин духовного стиха «- Голуби вы, голуби! Голуби вы белые!..», как камертон, настраивает его мелодию на определенное внутреннее звучание. Этот настрой сохраняется и в дорожной созерцательности: «Чем дальше в восток, тем больше крестов У самых дворов, у самых дорог», и в неоднократном обращении к полю: «Поле, кто тебя усеял острокраими камнями?», характерному для народной лирической песни. Его одушевление восходит также к фольклору:

*Поле немо, поле грустно,
Поле помнит и не помнит,
Как свозили белорусов*

*В эти северные поймы,
Как бросали в беломорье,
В белосеверные чащи
За провинность перед прошлым,
Будущим и настоящим...*

Кладовые фольклора открыты для любого художника, - известно, что творцом языка является народ. Главное- не потерять в словестных кружевах «мысль народную»... О чем поют старушки в далеком северном поселке? - О душе человеческой:

*Душа муки испугалася,
За Господа Бога удержалася,
Перед Господом Богом
Ей ответ держать...*

К Богу обращается и лирическая героиня поэмы:

*- Господи, не свечу тебе ставлю!
Господи, крест на себе несу:
Этим крестом - и пою, и славлю
Имя твое в вековом лесу.
Это в миру тебе ставят - свечи.
Там и кресты - под рубахой носят ,
Я этот крест понесу - далече,
Через леса осеней и весен.
Низом он в темную землю воткнут,
Звездное верхом пугает стадо...
Так и взойду на свою Голгофу
С этим крестом на плечах усталых.*

Сугубо личное стало типическим: нас всех объединяет наша общая судьба, наш общий крест. Лирическая героиня не остается равнодушной ни к рассказу старухи-попутчицы о своей тяжелой жизненной доле (глава «Старухи»), ни к печальному монологу матери невесты (глава «Мать»), ни к брошенному властями поселку («Живите, люди, чем Бог послал, Ни барж с товарами, ни денег им...»). Да и как можно быть равнодушным к русской провинции, где вопреки всему живет душа народная?.. Не случайно в послесловии к поэме смысловое кольцо песенных строк размыкает восклицание

героини:

*«...Голуби вы, голуби,
Голуби вы белые!
А где вы были, куда летали?
- А мы там были на исходе души...»
Ты летай, душа, в тот край, там - дыши!..*

Поэма Инги Чурбановой - алмаз, обработка которого еще не закончена. Требуется огранки текст «географического» вступления к поэме - читатель, обладающий музыкальным слухом, сразу почувствует сбой ритма и стиля. Надо убрать некоторые тусклые рифмы, отшлифовать удачные. Необходима и дополнительная композиционная работа. Но в целом уже сейчас можно говорить о том, что поэма состоялась.

Хочется отметить полиграфическое качество книги - издательства «Свеча» и «Евстолий» не пожалели времени и сил, чтобы довести ее до ума. «Лубочные» рисунки художницы Надежды Черкасовой украшают сборник и точно соответствуют авторской стилистике. Оригинально оформление обложки - сочетание средневекового «итальянского» окна и одновременно русского кокошника.

В конце издания Инга Чурбанова поставила стихотворение, давшее название всей книге: «У меня своя Тоскана...»

*...Там, где бубен одинокий
Бродит, ищет как тальянка,
И сбиваются с дороги
Северянин с северянкой,
И бредут за тихим звоном,
Уходя в страну другую,
Где опять - в краю холодном -
По Италии тоскуют.*

Вот, наконец, и превратилась итальянская Тоскана в такое русское слово «Тоска»...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Что такое поэзия? Искра Божья? Вдохновение? Любовь? И можно ли *стать* поэтом? И в каком возрасте? Все эти вопросы из разряда вечных и неизменных. И отвечать на них, между прочим, необязательно. Да и как ответить, если:

*«Сие присутствие Создателя в создание -
Какой для них язык? Горе душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится
И лишь молчание понятно говорит.»*

Эти строки написал в августе 1819 года Василий Андреевич Жуковский. В те же дни другой русский поэт Константин Николаевич Батюшков обронил вроде бы мимоходом:

*« Их выразить душа не знает стройных
слов,
И как молчать об них - не знаю.»*

«Невыразимое подвластно ль выраженью? - горевал вместе с Батюшковым Жуковский.

*С тех пор они ведут незримый диалог,
Где вечность и судьба - почти одно и то же,
Где души так близки и голоса так схожи,
Где царствует любовь и где сияет Бог.*

Поэзия - не наука, она не признает границ человеческой мысли, и не искусство - слишком узок круг знающих ремесло стихотворцев, и уж, конечно, не рифмованные строчки - «Мертвые души», как известно, поэма. Поэзию нельзя пересказать, потому что «жизнь и поэзия - одно» (В.А. Жуковский).

Поэзия - это правда. Высшая правда жизни. «Правда выше Пушкина, выше России, - говорил Федор Михайлович Достоевский. И отношение к ней должно соответствовать ее значению, но:

*«По жизни так спешит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!»*

-- отметил мудрый Петр Андреевич Вяземский опять же в 1819 году (!)

И как же потом бывает стыдно... Александра Сергеевича Пушкина всю жизнь терзала совесть за грех горячности и молодости - «Гаврилиаду». Николай Алексеевич Некрасов свой первый сборник стихотворений - «Мечты и звуки» - тщетно пытался уничтожить, лихорадочно выкупая тираж у книготорговцев. Сергею Александровичу Есенину пришлось «подправить» себе возраст в автобиографии, чтобы скрыть подростковый поэтический провал в Петербурге...

Поэзия - сестра гармонии. И поэтому сочинитель должен сам убирать из текста фальшивые ноты.

И наконец, поэзия - это душа. А душу мы вверяем Богу...

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева О.Н. Заветы // Нечерноземье - забота общая. - М., 1979.
2. Анкета. Сегодня и завтра нашей поэзии // ДП- 69. - М., 1969. - С. 176-208.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. - Т.1 - М., 1994.
4. Базанов В.Г. Николай Клюев // Клюев Н.А. Избранное.- М., 1981.
5. Вернуться в Россию стихами: 200 поэтов русской эмиграции: Антология.- М., 1995.
6. Викулов В.Г. "... Чтоб вышел с людьми разговор" // Фокина О.А. За той за Тоймой... - М., 1987. - С. 169-188
7. Воспоминания о Николае Рубцове. - Вологда, 1994.
8. Выходцев П.С. Земля и люди: очерки о советской поэзии 40-50 годов. - М., 1984.
9. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 8.- М., 1952.
10. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Избранные страницы. - М., 1989.
11. Ермилова Е. Там осеняет землю сад // Новый мир. - 1989. - № 8. - С. 241-244.
12. Есенин С.А. Сочинения. - М., 1994.
13. За северным перевалом. Вып. 1. - Великий Устюг, 1993.
14. Зайцев В.А. Современная поэзия. - М., 1988.
15. Ильин И.А. О грядущей России. - М. 1993.
16. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Тайна беззакония // М. Советская Россия.- 1992- 30 октября - С. 3
17. Клюев Н.А. Избранное. - М., 1981.
18. Клюев Н.А. Стихотворения и поэмы.- Архангельск, 1986.
19. Клюев Н.А. Песнь о Великой Матери // Знамя. - 1991.- № 11.- С.4-44.
20. Клюев Н.А. Песнь о Великой Матери // Библиотека "Огонька". - 1991. - № 45.
21. Кортаев В. Единство.- М., 1991.
22. Куняев С. "Жизнь - океан многозвонный..." // Клюев Н.А. Избранное. Стихотворения и поэмы. - Архангельск, 1986.
23. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура.- М. 1991.
24. Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. 1- Франкфурт-на-Майне, 1957.
25. Лосский Н.О. История русской философии. - М., 1991.
26. Маслин В.А. "Велико незнание России..."// Русская идея.- М., 1992.

27. Мекш Э.Б. Русская новокрестьянская поэзия.- Даугавпилс, 1991.
28. Микешин А.М. Исторические судьбы революционного романтизма в русской поэзии эпохи Октября.- М., 1985.
29. Михайлов А. Автобиографическая проза Николая Клюева // Север. - 1992.- № 6 - С. 146-159.
30. Неженец Н.И. Поэзия народных традиций.- М., 1988.
31. Оботуров В.А. Степень родства.- М., 1977.
32. От поэзии "избяного космоса" к письмам из Сибири (письма Николая Клюева) к Н.Ф. Христофоровой-Садомовой из Томска. - публ. А.И.Михайлова. // Наш современник - 1992 - №5 - С. 141- -156.
33. Последний Лель: Проза поэтов есенинского круга.- М. 1989.
34. Роднянская И. "Назад- к Орфею"^и Новый мир. -1988.- № 3 - С. 234-254.
35. Романов А. А.Избранное. - М., 1990.
36. Рубцов Н.М. Подснежники Ольги Фокиной // Воспоминания о Рубцове.- Архангельск ,1983. - С. 290-292.
37. Рубцов Н.М. Русский Огонек. Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма. - Вологда, 1994.
38. Русская поэзия XIX - начала XX века. - М., 1987.
39. Савченко Т. К. Сергей Есенин и его окружение. - М., 1990.
40. Свеча. Литературная учеба. Альманах. - Вологда, 1994.- №6.
41. Север.- 1994.- № 11.
42. Славянскя мифология. Энциклопедический словарь. - М., 1995.
43. Соборная горка. Литературно-художественный альманах. Выпуск первый. - Вологда, 1993.
44. Тяпугина Н. "Горящая головня, летящая по ветру" // Волга.- 1988.-№ 10. - С. 142-145.
45. У северных широт. - М., 1987.
46. Фалеев В. Григорий Распутин без грима и дорисовок // Чудеса и приключения. - 1991.- № 1.- С. 58-63.
47. Федотов Г.П. Письма о русской культуре. - М., 1992.
48. Фокина О.А. За той за Тоймой.- М., 1987.
49. Чурбанова И. У меня своя Тоскана. Стихи и поэма.- Вологда, 1995.
50. Чухин С. Дни покоя.- М., 1973.
51. Чухин С. Придорожные камни.- Архангельск, 1988.
52. Шадринов А. Далекий плач. Стихи. Вологда, 1994.
53. Яшин А.Я. По своей орбите.- М., 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Последняя Русь (поэма Н. Клюева «Песнь о Великой Матери»).....	4
Слово в вечности (Николай Рубцов).....	19
«У каждого свой путь и берег».....	28
Ольга Фокина.....	35
Чудеса в решетке, или еще раз о «вологодском чуде» в русской поэзии.....	43
Ее Тоскана.....	51
Послесловие.....	56
Использованная литература.....	58

Виктор Николаевич Бараков
«ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ - ОДНО...»
Статьи

Формат 60*90/16. Бумага ксероксная. Печать офсетная
Уч.-изд. л 4 Усл.- печ. л. 4 Заказ Тираж 300 экз.
Цена договорная
«СВЕЧА» Рег. № Т-0219 от 12.05.93 Вологда, Панкратова, 75
Отпечатано в Центральной городской библиотеке